

Алексей Орешников

Рассказы, как
мертвые
женщины

Алексей Орешников

Рассказы, как мертвые женщины

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Орешников А. Б.

Рассказы, как мертвые женщины / А. Б. Орешников — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Эти рассказы вдохновлены снами наяву и озарениями, которые не спрашивают, кто ты и где ты находишься: моешься в ванной, стоишь в очереди или едешь в автобусе. За каждым из них стоит смерть, реальная смерть. И каждый рассказ в этом сборнике - это еще одно деление на часах твоей жизни. Просто, емко и со вкусом. Содержит нецензурную брань.

© Орешников А. Б., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Рассказы, как мертвые женщины

Похоронить пса

Осенняя ночь, сумерки. Воздух пахнет по-особому. Он залетает в открытую форточку и ласкает ноздри, проникая в мозг, оживляет странные воспоминания. Осенние воспоминания. Такие воспоминания не принадлежат человеку, они попадают к нему из вне, живут в мозге, и раз в пять лет, потревоженные холодным осенним воздухом, пробуждаются, что бы лишний раз доказать своему носителю, что он лишь среда питания для осени.

Прохладный ночной воздух, со спорами осенних воспоминаний, влетает в форточку квартиры, где сидят за столом и беседуют двое мужчин. Одного, высокого с длинными вьющимися волосами, воспоминания сторонятся. Они знают, что он не подходит, как носитель всего осеннего. Во-первых, он родился весной, во-вторых, склонен к насилию над самим собой. Его окружает аура недоверия и похороненной заживо радости. Длинноволосый гасит в пепельнице недокуренную сигарету Честерфилд и откидывается на спинку кресла, сцепив пальцы на животе.

Напротив него сидит его приятель. Молодой человек, чуть ниже среднего роста, атлетического телосложения. Он отхлёбывает из кружки зелёного чаю с лимоном, не выпуская из пальцев дымящуюся сигарету эмел. От него пахнет туалетной водой Адидас, детскими страхами и спермой. Он родился осенью и его лицо испещрено тоненькими морщинками от улыбок, а щеки сухие от слёз.

Споры осенних воспоминаний тут же поселяются в мозге этого второго мужчины. Они вступают в сложные химические реакции и образуют осеннее настроение. Почувствовав это настроение, душа носителя осенних спор трепещет как дикая птица в клетке, и становится горькой на вкус.

Мужчина с тонкими морщинками, улыбается сам не зная чему, и делает глубокую затяжку. Его новое настроение, неуловимое, как музыка Колтрейна, удивляет и пугает его приятеля с вьющимися волосами.

– Что это ты улыбаешься? – с сарказмом в голосе спрашивает Длинноволосый.

– Да так... – отвечает приятель, и его улыбка становится улыбкой похотливого монаха, склонившегося над спящей девственницей. – Я подумал, что хочу написать рассказ, пахнущий морозным осенним воздухом и опавшими листьями.

– Ты пишешь хорошие рассказы, – говорит длиноволосый, – но они хороши для тех, кто лично с тобой знаком. Твои рассказы, понимаешь, они как бы продолжение тебя. Мне и самому интересно, что бы сказал о твоих рассказах, человек, совершенно с тобой не знакомый? Возможно ты талантливый графоман.

Длинноволосый усмехается своим словам и закуривает ещё одну сигарету. Его приятель С Осенним Настроением, снова улыбается, очень искренне, по детски. А его морщинки становятся похожи на блестящую на солнце паутинку.

Длинноволосому становится неприятно от этой улыбки. В детстве его учили: смех без причины – признак дурачины. Иногда он думает, что спонтанная радость – это жаба, от которой бородавки.

– В любом случае, у тебя хорошие рассказы, – врёт Длинноволосый и даже не краснеет.

– Только мне интересно, почему в твоих рассказах нет женщин, а если есть, то мёртвые?

– Иногда мне кажется, что мои рассказы – это и есть мертвые женщины.

Низкорослый тушит сигарету в пепельнице, стараясь, что бы не осталось горящих угольков. Он всегда докуривает сигареты до фильтра, что очень вредно для здоровья. Он хмурит брови, отчего на лбу образуется глубокая трещина.

– Ты когда-нибудь хоронил животных? – спрашивает он.

Длинноволосый отпивает кофе из фарфоровой кружки и отрицательно качает головой.

– А мне приходилось. Я хоронил собаку моей подруги. Колли. Ещё зимой я играл с ним, валялся в снегу, катился кубарем, кувыркался. Он весело лаял и небожно кусался, так, знаешь, играючи. А летом он заснул и не проснулся, хотя молодой еще был совсем. Такое впечатление, что пёс задумался до смерти. Знаешь такой пёс – дурашка. Беззаботный мыслитель от четвероногих. Я его не рассмотрел мертвого толком, помню только большой лохматый комок. Но, мне хочется верить, что он положил голову на лапы и уснул с улыбкой на длинной морде, и смерть застала его в таком виде. Тогда было начало лета, только какое то серое и пасмурное. Мы с подругой положили пса в сумку, погрузили на тележку и повезли хоронить. Дул холодный ветер. Мы везли пса по длинной тополиной аллее. Я эту аллею очень сильно любил. Некоторые не любят тополя, а я – люблю. С детства, не смотря на пух. Мы похоронили пса на пустыре, рядом с аллеей. Под одиноким деревом. А земля такая поганая была, я еле яму выкопал. Получилась не очень глубокая. Подруга моя рыдала очень сильно. Я заметил, по животным плачут не так как по людям. Когда прощаются с людьми, рыдают больше по себе, себя жалеют, потому что знают, – сами то же умрут. Может это и цинично звучит, но мне кажется – это так. А когда животных хоронят, их жалеют, как-то по-доброму что ли. В общем, плачут над самим фактом смерти, из-за того, что вообще всё живое умирает. И это, как я думаю – акт примирения со смертью.

Низкорослый замолчал, отпил чаю, и посмотрел на Длинноволосого.

– Н-да, – сказал тот.

– Когда хоронишь кого-нибудь, – продолжил Низкорослый, – ты уже не думаешь, что в земле лежат останки. Закапывая в землю тело, ты, вроде как, переправляешь его в другой мир. А вообще я не знаю, зачем тебе это рассказал.

Длинноволосый поспешно отхлебнул кофе, посмотрел на часы, и поднялся из кресла.

– Ладно, – сказал он, пряча глаза, – пора уже мне идти.

– Ну ладно, – сказал Низкорослый, – спасибо, что пришел.

Он проводил Длинноволосого до двери. Они пожали друг другу руки.

Длинноволосый спускается по лестнице, ненавидя Низкорослого, но в действительности, он ненавидит себя. Низкорослый закрывает за Длинноволосым дверь и прячет улыбку в карман. Он ненавидит себя, но в действительности, он ненавидит своего отца.

Зигмунд Фрейд

Мне приснился Зигмунд Фрейд. Он стоял передо мной худой и изможденный. Нижняя челюсть отсутствовала, на грудь капали слюни, вперемежку с кровью. Из его грустных глаз текли слезы. Он издавал нечеловеческие звуки. Мне стало от этого очень противно на душе, но я понял, что он говорит.

– Вот здесь! – сказал Зигмунд Фрейд, и ткнул пальцем в область моей почки.

Я проснулся в холодном поту. Сердце бешено стучало, прыгало, ударяясь о ребра. Левая почка болела. Я зажмурил глаза и сморщился. Душа моя словно превратилась в коричневую изюмину, плавающую в туберкулезной мокроте. По сравнению с этим чувством боль в пояснице показалась сущей щекоткой.

Послышался шорох. В комнате было темно. Я резко открыл глаза и посмотрел, приблизительно в ту сторону, откуда исходил посторонний звук. Я знал, что в квартире ни кого быть не может, но на фоне окна, подсвеченного уличным фонарем, я увидел чей-то темный силуэт. Мои мышцы напряглись и окаменели. Спина покрылась мурашками и за долю секунды стала холодной как кафель в туалете. Я хотел закричать, но ничего не вышло. Даже пискнуть я не

смог. Казалось, что горло парализовано. Не получилось набрать в легкие воздуха. Что-то в моей голове звякнуло и раздвоилось, и от этого волосы на голове встали дыбом. Все, что видели мои глаза, уже привыкшие к темноте, стало разваливаться на части, менять очертания.

Я вдруг осознал, привычный мир сейчас прекратит свое существование. Подумав так, я испугался еще больше. Со мной такое происходило дважды в жизни. Первый раз – в тайге, когда я ночью выкарабкивался из пещеры и, на фоне ночного неба, принял силуэт коряги за медведя. Второй раз – когда ночевал в гостях: я был в полудреме, и мне на грудь запрыгнула кошка. Вот и сейчас, я сказал себе: успокойся, это не силуэт человека, это что-то другое. Сейчас ты поймешь, что это такое и вздохнешь с облегчением. А, потом будешь смеяться над своими нелепыми страхами. Тысячи мыслей промелькнули в голове, каждая клетка моего тела среагировала на испуг, я непосредственно ощутил и пережил эти реакции. Мне показалось, что прошла вечность, на самом деле все это заняло несколько секунд. Я смотрел на человеческий силуэт, почти черный на фоне окна, и ждал, когда рассеются злые чары ночного испуга. Ничего не изменилось.

– Извини, – сказал силуэт приятным женским голосом, – я тебя сильно испугала?

– А-э-х-т, – сказал я.

– Я понимаю, – сказал силуэт, – ты просыпаешься, а тут такое... но, ничего не поделаешь, иначе нельзя.

Что я почувствовал в этот момент? Можно сказать, что испуг перешел в ужас. Зато я смог совладать со своим голосом, частично.

– Как это? – прохрипел я.

– Ты хочешь объяснений? – спросила моя ночная гостья, и я еще раз отметил, какой у нее приятный голос.

Но, голос этот не успокаивал, а наоборот – приводил меня в ужас. Я почувствовал, что если услышу еще раз этот голос, то не выдержит мой мочевого пузырь. И, все же, я утвердительно закивал в ответ.

– Сначала, перестань бояться, – сказал силуэт.

Тут же мой страх испарился. Даже писать расхотелось. На душе стало легко, и я рассмеялся.

– Ничего смешного, – услышал я. Мне показалось, что голос моей ночной гостьи дрогнул. Слова прозвучали печально, но за этой печалью мне почудился запертый в плену смех. Мне, вдруг страшно захотелось услышать, как смеется этот красивый голос. Силуэт в окне перестал меня пугать. Я попытался рассмотреть в нем (а, точнее в ней) хоть какие-нибудь черты, но увидеть что-то, помимо нечеткого абриса, не получилось.

– Ладно, – сказала гостья, – на сегодня достаточно. Завтра ночью, я приду снова. Надеюсь, в следующий раз, ты не будешь вести себя по-идиотски.

– Но... – сказал я, и тут же уснул.

Я проснулся в девять тридцать утра, и понял, что не могу встать с постели. Почка болела. Чувство такое, словно в бок воткнули нож. Я потрогал больное место рукой. Кожа там оказалась холодной и сухой, как наждачная бумага. Кое-как я дополз до кухни. Вынул из аптечки но-шпу и запил две таблетки водой из-под крана. Потихонечку одевшись (каждое движение отдавалось адской болью в боку), я доковылял до поликлиники, благо она всего в паре кварталов от моего дома.

О ночном происшествии я вспоминал как о сне, на то я и здравомыслящий человек. Нелепые галлюцинации я списал на внезапную хворь. Пока сидел в очереди к терапевту, боль в боку почти прошла. Передо мной сидели несколько пенсионеров. Они наотрез отказались пускать меня без очереди, не смотря на мои просьбы и жалобы на острую боль. Один дед с огромными седыми усами даже пригрозил мне деревянным бодожком.

Врач выписала мне кипу анализов, а на мое замечание, что пока эти анализы сдашь, можешь скончаться, гнусаво протянула:

– Тогда в БСМП.

Что такое Больница Скорой Медицинской Помощи я знал не понаслышке. Брезгливо передернул плечами, и смирился с анализами. Выходя из кабинета, я посмотрел на широченные плечи тощей врачихи. Мне вдруг представилась апокалипсическая интерпретация известного медицинского архетипа: я представил врачиху в виде рюмки, а себя в виде змия, который опутывает врачиху-рюмку, и откусывает её дурную башку.

– Спасибо, до свидания, – бросил я через плечо.

– Следующий! – прогнусавила врачиха.

Мне снится, что я стою возле свежей могилы. Над могилой клены раскинули зеленые ветви. Дует легкий ветерок, играет листвой. В душе покой. Я смотрю на надгробный камень. Какие-то непонятные слова выбиты готическим шрифтом, мне не разобрать. Внезапно ветер усиливается, солнце затягивают тучи. Трава желтеет, листья скручиваются и опадают. Могильный холмик начинает вспучиваться, подниматься. Сыплется земля и на поверхности показываются чьи-то пальцы с грязными потрескавшимися ногтями. Полностью показывается рука, сгибается и вцепляется в землю, помогая карабкаться скрытому пока еще под землей телу. Мгновение спустя из могилы целиком вылезает человек. Это Зигмунд Фрейд. Он смотрит на меня своими почерневшими глазами. Он вытягивает руки и приближается. Нижняя челюсть отсутствует, из грязной дыры на месте нижней части лица известного психоаналитика, вываливаются могильные черви. Фрейд, вытянув руки, медленно движется ко мне.

Внезапно, из-за моего правого плеча появляется человек. Я смотрю на него. Это Карл Густав Юнг. В руках он держит лопату. Его лицо источает свет. Юнг приветливо улыбается мне и делает знак, чтобы я внимательно смотрел, что сейчас произойдет. Я смотрю на Фрейда, который уже в нескольких метрах от меня. Карл Густав Юнг подходит к Фрейду и, хорошенько размахнувшись, бьет лопатой наотмашь Фрейду по голове. С неприятным звуком голова Фрейда отрывается и, ударившись о ствол ближайшего клена, подкатывается к моим ногам. Я опускаю взгляд на голову и вижу, как она мгновенно превращается в прах. Тело Фрейда, облаченное в истлевший костюм, плавно оседает на пожухлую траву и, подобно голове рассыпается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.